

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 070.4
doi: 10.17223/23062061/36/4

«Трибун Страстного бульвара»: языковая личность публициста М.Н. Каткова

Елена Владимировна Первалова¹,
Мария Владимировна Петрушина²

¹ *Московский политехнический университет, Москва, Россия, helenpv@yandex.ru*
² *Институт современного искусства, Москва, Россия, mpetrushina@mail.ru*

Аннотация. Анализируется языковая личность М.Н. Каткова, в 1863–1887 гг. – редактора-издателя «Московских ведомостей». Выявлено, что в ней отразились особенности его мировоззрения, научного и логического мышления, морально-этических представлений, политических взглядов, национально-культурного менталитета. Лингвостилистический и прагматический анализ публикаций Каткова показал, что для его языковой личности характерно разнообразие языковых репрезентаций и многогранность возможностей в выражении смыслов, что стало одной из причин сильного влияния его публицистических текстов на аудиторию.

Ключевые слова: М.Н. Катков, «Московские ведомости», языковая личность, лингвостилистический и прагматический анализ текста

Для цитирования: Первалова Е.В., Петрушина М.В. Трибун Страстного бульвара: языковая личность публициста М.Н. Каткова // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 51–70. doi: 10.17223/23062061/36/4

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

“THE TRIBUNE OF STRASTNOY BOULEVARD”: THE LANGUAGE PERSONALITY OF THE PUBLICIST MIKHAIL KATKOV

Elena V. Perevalova¹, Maria V. Petrushina²

¹ *Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation, helenpv@yandex.ru*

² *Institute of Contemporary Art, Moscow, Russian Federation, mpetrushina@mail.ru*

Abstract. The article attempts to analyze the language personality of the authoritative conservative publicist Mikhail Katkov, who in 1863–1887 was the editor-publisher of the influential newspaper *Moskovskie Vedomosti*. The relevance of the stated problem is due to the growing interest in modern science in the study of the conservative press of the second half of the 19th century, its influence on public consciousness and the formation of ideological attitudes of the audience. The scientific novelty of the research consists in the introduction of new, previously unexplored material into scholarly discourse, in the analysis of Katkov’s journalistic texts for the purpose of studying the structure and content of his language personality. The methodological basis of the study consists of works of Yu.N. Karaulov, W. von Humboldt, V.V. Vinogradov, E.D. Polivanov, M.M. Bakhtin, G.I. Bogin, V.A. Maslova, V.V. Ledeneva, T.V. Shmeleva. The level model of language personality proposed by Yu.N. Karaulov was implemented in the study of Katkov’s language personality in the form of a comprehensive analysis of all three components: lexicon, thesaurus, and pragmaticon. The analysis of the thesaurus allowed us to demonstrate how Katkov’s views were embodied in the concepts he implemented, the hierarchy of these concepts, as a result of the publicist’s political preferences. The article presents a full range of language tools and techniques, with special attention paid to metaphor, which allowed us to conclude that Katkov’s texts generated a type of journalistic metaphor new for that time, the main function of which is evaluation. A detailed study of the thesaurus and the lexicon that embodies its features allowed us to conclude that the highest level of Katkov’s language personality – the pragmatist – reflects the national specifics and features of the publicist’s linguistic and axiological picture of the world. In the course of the analysis, it became obvious that a large role in Katkov’s texts, and therefore in the structure of his language personality, is played by various means of syntax. First of all, this represents such an important feature of Katkov as the logical presentation. The main functional type of text used by Katkov is reasoning; the syntactic forms and structures used by the publicist implement a variety of strategies and tactics of persuasion, which allows us to consider his language personality as the quintessence of oratorical skill. It is revealed that the language personality of Katkov reflects the peculiar-

ities of his worldview, scientific and logical thinking, moral and ethical ideas, political views, national and cultural mentality. The linguostylistic and pragmatic analysis of the texts of Katkov's publications allowed us to conclude that his language personality is characterized by a variety of linguistic representations and a variety of possibilities in the expression of meanings, which was one of the reasons for such a strong influence of his journalistic texts on the audience.

Keywords: Mikhail Katkov, *Moskovskie Vedomosti*, language personality, stylistics, pragmatics

For citation: Perevalova, E.V. & Petrushina, M.V. (2024) "The Tribune of Strastnoy Boulevard": The language personality of the publicist Mikhail Katkov. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 36. pp. 51–70. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/4

Консервативный публицист Михаил Никифорович Катков (1818–1887), редактор-издатель общественно-политического ежемесячника «Русский вестник» и ежедневной общероссийской общественно-политической газеты «Московские ведомости» – едва ли не самая противоречивая и неоднозначная фигура в истории отечественной журналистики и общественной мысли второй половины XIX в. Трудно найти другого журналиста и публициста, о взглядах и мировоззрении которого современниками высказывались бы столь противоположные мнения. Одни называли его «провокатором», «предателем», человеком, «запятнавшим себя ложью и клеветою», другие – оракулом, судьей, провидцем, «лучшим сыном России». Однако и яростные критики, и восторженные почитатели Каткова сходились в оценке его публицистического таланта и признавали, что он обладает «пером булатным и острым, как кинжал» [1. С. 129]. За страстность, темпераментность и полемическую заостренность его выступления сравнивали с речами Цицерона и воззваниями Козьмы Минина, а его самого называли «трибуном Страстного бульвара», «львояростным кормчим», «московским громовержцем» и т.п. Аудитория могла соглашаться или не соглашаться с энергично и решительно высказываемыми мнениями Каткова, могла негодовать или восхищаться им, но она никогда не оставалась равнодушной и безразличной. Решительность, с какой публицист писал о важнейших государственных вопросах, резкий, язвительный, вызывающий тон его статей, систематическая и смелая критика в адрес самых высокопоставленных чиновников – П.А. Валуева, А.В. Головнина, Н.Х. Бунге, Н.К. Гирса, А.Л. Потапова и др., вплоть до великого князя Константина Николаевича, даже породили остроумное сравнение публициста с юридивыми, которые «говорили при старых царях разные невменяемые речи» [2].

В настоящей статье предпринята попытка исследования языковой личности Каткова сквозь призму лингвистического и прагматического анализа его публикаций. Актуальность заявленной проблемы обусловлена усиливающимся в современной науке интересом к изучению консервативной печати второй половины XIX в., ее влияния на общественное сознание и формирование идеологических установок аудитории. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот нового, ранее не изученного материала, в частности, в анализе публицистических текстов Каткова на предмет изучения структуры и содержания языковой личности публициста.

Проблема языкового сознания личности, определяющая и специфику языковой картины мира говорящего, и его концептосферу, отражающую стереотипное и индивидуальное мировосприятие в целом, является перспективным вектором развития филологического знания на протяжении двухсот лет. Еще современник М.Н. Каткова немецкий языковед и философ Вильгельм фон Гумбольдт высказал мысль о том, что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [3. С. 304], по сути предвосхитив когнитивный и коммуникативный подходы в языковедении. Именно язык определяет и проявляет отношение человека к объективной действительности, преобразуя этот мир в восприятии говорящего и отражая результат постоянного духовного труда. Аспекты языковой личности, репрезентированные в терминах «образ автора», «языковой паспорт», «идиостиль», «авторское начало», «речевая личность», «коммуникативная личность» и собственно «языковая личность», рассмотрены в работах В.В. Виноградова, Е.Д. Поливанова, М.М. Бахтина, Г.И. Богина, В.А. Масловой, В.В. Леденевой, Т.В. Шмелевой, Ю.Н. Караулова и др., которые и стали методологической основой данного исследования. В основу анализа текстов Каткова положена теория о модели языковой личности Караулова, согласно которой языковая личность определяется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [4. С. 4]. Эта модель дает возможность удачно демонстрировать цельность коммуникативного и когнитивного существования индивида благодаря выделению трех важнейших составляющих: лексикона, тезауруса и прагматикона. Эти три уровня, переплетаясь и взаимодействуя, позволяют составить наиболее полное представление о текстах столь сложного и многогранного автора, как Катков.

Уже первые литературные опыты Каткова в журнале А.А. Краевского «Отечественные записки» были высоко оценены В.Г. Белинским, который в письмах к друзьям восторженно отзывался о них: «Какая даровитость, какая глубокость, сколько огня душевного, какая неистощимая, плодотворная и мужественная деятельность! Во всем, что ни пишет он, видно такое присутствие мысли, его первые опыты гораздо мужественнее моих теперешних» [5. С. 405]. Выдающийся критик, сам великолепно владевший публицистическим мастерством, уже в первых работах своего младшего коллеги (Катков был моложе Белинского на шесть лет) определил черты, ставшие отличительной особенностью его творческой манеры в зрелые годы: «определенность, состоящая в образности» [6. С. 24], «преобладание мысли в определенном и ярком слове». Будущего публициста «Московских ведомостей» уже в юности отличало великолепное умение вести отточенную, острую полемику, убедительно доказывая оппонентам свою правоту и против воли заставляя их соглашаться со своими доводами, – качество, ставшее одной из наиболее характерных особенностей его передовых статей. Белинский, сам великолепный полемист и неукротимый, неистовый спорщик, и здесь признавал превосходство Каткова, при первой же полемической стычке с которым, по его собственным словам, он «отдался ему в плен без противления. Смешно было: хотел спорить и вдруг вижу, что уж нет сил, ни жару, а через 1/4 часа, вместе с ним, начал ратовать против всех, сбитых с толку мною же...» [7. С. 578]. С 1863 г., когда Катков стал редактором «Московских ведомостей», направление и идейное содержание этой газеты определялось исключительно его передовыми статьями. Печатавшиеся из номера в номер на протяжении двадцати пяти лет, они во многом способствовали формированию этого жанра в российской печати. Будучи убежденным сторонником монархии, Катков горячо отстаивал умеренные социально-экономические преобразования при сохранении самодержавия как единственно приемлемой для России формы правления.

Тематический диапазон его выступлений был чрезвычайно широк: взаимоотношения России со странами Западной Европы, Ближнего Востока, Америкой; реформирование системы образования; строительство железных дорог, проблемы высшего женского образования, политические процессы, нигилизм, революционные движения на западе, рабочий вопрос, судебная реформа, хлебная торговля, покровительственная система в экономике, национальная политика России на окраинах империи и т.д. [8]. Сохранились свидетельства о том впечатлении, какое производили эти статьи на аудиторию. Так, смелая и бескомпромиссная позиция

публициста в период польского восстания 1863 г., патриотическое одушевление его выступлений, через которые красной нитью проходила идея государственного единства и призыв защитить большинство населения Царства Польского и западно-русских губерний, обреченного стать жертвой междоусобной славянской войны, – вызывали бесспорное уважение и доверие читателей. «Ежедневно утром целые массы народа толпились перед редакцией в ожидании, что кто-либо из грамотеев, присланных за получением “Московских ведомостей”, прочтет толпе только что отпечатанную статью по польскому вопросу, – вспоминал А.И. Георгиевский, заведовавший редакцией газеты в 1863–1866 гг. – Таких грамотеев оказывалось немало: толпа разбивалась на большое число кучек, покрывавших собой весь Страстной бульвар и жадно внимавших чтению своего грамотея» [9. С. 115]. «Послана к Государю. <...> Люди противного лагеря стараются ее замалчивать. У сочувствующих впечатления наилучшие» [10], – сообщали Каткову из Петербурга о реакции столичного истеблишмента на одно из самых сильных его выступлений 1880-х гг. – статью от 7 октября 1884 г., в которой публицист в свойственной ему наступательной и эмоциональной манере объявлял о долгожданном возвращении правительства к исполнению своих обязанностей по наведению «нового и лучшего правительственного порядка, а с тем вместе нового и лучшего периода в жизни нашего отечества»: «Итак, господа, встаньте: правительство идет, правительство возвращается!.. Не верите?» [11]. Бывали случаи, когда номера «Московских ведомостей» продавались в Петербурге в розницу по несколько рублей за экземпляр. Так, за номер 152 от 3 июня 1882 г. с передовой статьей, написанной в связи с назначением графа Д.А. Толстого министром внутренних дел, столичная публика готова была заплатить по два-три рубля [12. Л. 161], еще дороже – по 6 и 7 рублей за номер [13. Л. 173] – за выпуск от 12 января 1884 г., в котором Катков комментировал распространившиеся в западных газетах слухи о якобы готовящемся изменении государственного устройства России.

Широкий резонанс передовых статей Каткова во многом объясняется спецификой его языковой личности. Ее индивидуальный тезаурус отражает личностный путь публициста, уровень образования, круг интересов, убеждения и представления о мире. Основу данного уровня составляют концепты, которые в анализируемых текстах репрезентируют то, что Каткову было важно в период его журналистской, редакторской и политической деятельности. Тезаурус, представляющий концептуально-когнитивную структуру его языковой личности, реализован в обилии лексики, преимущественно репрезентирующей семантические поля концептов

«народ», «государство», «власть», «патриотизм», «политика», «общество», «образование». Лексемы, раскрывающие перечисленные концепты, часто сопровождаются прилагательными – суперлативами и элативами, характеризующими особое отношение публициста к вышеназванным концептам: «В поэзии Пушкина найдем мы источники **чистейшего патриотизма**» [14]; «...имела совершиться **грандиозная антиправительственная демонстрация посредством студентов, нарочито для того подстроенных**» [15]. Перечисленные концепты в большинстве текстов публициста репрезентированы эмоционально окрашенными, экспрессивно-оценочными единицами, сопровождаемыми оценочными прилагательными: *патриотические песнопения, гражданское чувство, просвещенный ум, политический разум, преобразователь, предназначение, внутренне брожение, страдания жертвы, лишения, внутренне недовольство, истинный смысл закона, политическая нравственность, рабское повиновение, взбаламученное общество, благотворная и освободительная миссия, борьба партий, огульное выборное начало, религия нигилизма*, – что придает высказываниям Каткова особую силу, глубокий пафос, демонстрирует абсолютную веру публициста в то, о чем он говорит, а также убежденность в своей способности воздействовать на умы тех, кто его читает.

Тезаурус Каткова иерархичен в силу четко очерченных политических взглядов и убеждений. Принадлежность к консерваторам отражается в его языковой личности преимущественно отрицательно оценочным шлейфом, который сопровождает в его текстах слова и понятия *либерализм, светская жизнь, запад*: «Сколько убитых семей, потерявших свои лучшие надежды, сколько загублено юношей, которые могли бы быть красой своей родины, сколько бедных девушек, обманутых прельщением “образования”, увлечены в **разврат и политический, и нравственный, и телесный**; сколько жертв этого **quasi либерального режима**, этих нравственных и умственных исправлений, о которых нам проповедают “Русские Ведомости”!» [15].

Индивидуальный тезаурус Каткова на уровне лексикона характеризуется полным отсутствием сниженной лексики, крайне малым количеством фразеологизмов, при этом абсолютным преобладанием лексики высокой стилистической окраски, обилием метафор, что позволяет согласиться с теми его противниками, которые называли его «громовержцем Страстного бульвара», однако дает основание возразить тем, кто в силу совершенно непонятных причин назвал его «будочником русской прессы». Высочайший уровень владения языком, истоки которого лежат

в том числе и в его первоначальной научной деятельности (о которой почему-то часто забывали его оппоненты), написанная им магистерская диссертация «Об элементах и формах славяно-русского языка» находят свое отражение в указанных выше чертах и прекрасно раскрываются в приведенных ниже примерах.

В следующем примере мы видим один из немногочисленных случаев употребления Катковым фразеологических оборотов: «*Правительственная администрация не знает, в чем заключаются ее обязанности, и с каждым днем **теряет почву и умывает во всем руки***» [16]. И хотя родной фразеологии и главным источником ее пополнения является разговорная речь, здесь мы встречаем фразеологизмы книжные, библейского происхождения, что снова демонстрирует характерные черты лексикона Каткова, сложившиеся под воздействием социальных и интеллектуальных факторов и проявляемые на уровне его тезауруса.

«*Случись в университетских зданиях **истребительный пожар**, лекции закрылись бы сами собою. А разве в Киевском университете в день его юбилея не произошел **пожар**? Разве после того, что там случилось, могла на другой день возобновиться и пойти нормальным порядком мирная академическая жизнь? Разве это не пожар своего рода, и разве не на **поджигателей** должно **пасть проклятие**?»* [15]. Здесь Катков выстраивает сложную комплексную метафору, на тот момент еще не слишком распространенную в употреблении даже признанными классиками русской литературы. Объединяя в одном контексте прямое и переносное значения слова *пожар*, расширяя и усиливая его словом из общего семантического поля *поджигатель*, публицист живописует катастрофическую ситуацию со студенческой дисциплиной, сложившуюся в большинстве высших учебных заведений Российской империи. Коннотативные семы «катастрофа», «уничтожение» позволили создать настолько яркую и действенную метафору, что она впоследствии стала употребляться другими писателями, публицистами и поэтами. В какой-то мере рассмотренный пример можно назвать рождением явления русской публицистической метафоры, яркость, тематическое и функциональное разнообразие которой неоднократно описывались исследователями.

Метафорическое восприятие мира в принципе не слишком характерно для языковой личности Каткова, он предпочитает называть вещи своими именами. Тем не менее в целях повышения красноречия и воздействующей силы периодически применяет в текстах данный троп. Тематически метафоры достаточно разнообразны, в основе переноса и военные термины: «*Вся Европа, за исключением Пруссии, но со включением Португалии и Турции, начала против нас дипломатический поход, угрожавший*

нам войной» [17]; и зоонимы: «... но эта **тля** была же, однако, в силе, эта **тля** воображала же себя близко к полному господству и действовала же она с удивительною самоуверенностью» [17]; и экономическая лексика: «Нам известно только, что несостоятельность в этом отношении была бы доказательством нашего **нравственного банкротства** как исторической нации» [18]; и географические понятия: «Естественно ли ожидать, что университеты благодаря новому уставу превратятся в **цветущий остров посреди взбаламученного моря?**» [11].

Метафоры, составляющие индивидуальный тезаурус Каткова, в абсолютном большинстве выполняют релевантную для публицистической метафоры оценочную функцию. Характерный пример – комплексная метафора болезни: «Скандалы не новость в жизни наших университетов. В Киеве они были паразитичны, как **припадок тяжелой болезни**, случившейся с хозяином, который созвал к себе гостей на веселый пир. Печально было вместо пирса очутиться при **корчах тела, одержимого недугом**, который в течение долгого времени замазывался **пальятивными средствами**; но если бы **припадок** оказался **кризисом к исцелению**, то печалиться нечего, а нужно радоваться за **больного**» [11]. Метафора вырастает здесь непосредственно из фигуры сравнения «как припадок тяжелой болезни» и реализуется через обилие лексики семантического поля «болезнь», репрезентирующей разнообразные составляющие процесса: и сам факт, называемый в том числе через синоним с высокой стилистической окраской *недуг* (что на уровне подтекста дает представление о тяжести ситуации); и субъект – *тело, больной*; и симптомы – *корчи, припадок*; и средства облегчения страдания – *пальятивные средства* (правда, не те, которые способны решить проблему, ибо в дословном переводе с латыни *паллиативный* означает «временно облегчающий, но не излечивающий»); и стадии течения заболевания – *кризис, исцеление*. Столь разностороннее образное представление ситуации, сложившейся в учебных заведениях Империи в результате ряда проведенных образовательных реформ, позволяет Каткову весьма наглядно и понятно для большинства читателей продемонстрировать глубину и сложность проблемы, а также необходимость ее преодоления. Поэтому коммуникативная целесообразность столь сложного многокомпонентного стилистического приема в данном случае очевидна.

В арсенале лексикона Каткова не только метафоры. Помимо скрытых сравнений, он употребляет непосредственно фигуры сравнения: «Жизнь его [Пушкина] не кончилась: она была прервана, как **прерывается музыка, когда порвется струна**» [14], – с целью реализации образно-экс-

прессивной функции. Для публициста характерно употребление варваризмов латинского происхождения, латинских выражений, которые демонстрируют высокий уровень образования и интеллектуального развития, сформировавшие его языковую личность: «...и изрекли свое неизбежное *ceterum censeo*¹ о необходимости ввести у нас “правовой порядок”, или, как у них теперь принято выражаться, “общественный контроль”» [19]; «... а палата депутатов – *horribile dictu*² – отнеслась сочувственно к такому ретроградному правительству и громадным большинством голосов уже одобрила первую из этих “чудовищных, вопиющих несправедливостью” мер» [19].

Крайне частотным в структуре лексикона языковой личности Каткова оказался прием лексического повтора. Порой он, многократно повторяя одни и те же слова, одновременно меняя их комбинацию, словно «вбивает» в сознание читателя свои мысли и представления об обществе и государстве, свое видение проблемы и путей ее решения: «Мы были обязаны **действовать** так, как мы **действовали**, **говорить** то, что **говорили**; если бы мы **действовали** и **говорили** иначе, то мы не могли бы не **презирать** себя и заслуживали бы **презрение** всякого честного человека какой бы то ни было партии, из какого бы то ни было лагеря» [20].

Проблематика текстов Каткова, высокая степень полемичности его статей логично демонстрируют присутствие фигуры антитезы в структуре лексикона публициста, воплощаемой также на уровнях тезауруса и прагматикона. Антитеза используется Катковым для реализации самых разнообразных функций. Например, в следующем контексте она помогает охарактеризовать творческий гений Пушкина, его особое божественное вдохновение, которое одновременно и было дано свыше, и явилось результатом длительной и упорной работы над языком и стилем: «Божественный **гость** его души, будивший ее мгновенными посещениями, наконец водворялся в ней **хозяином**» [14]. В другом примере через посредство соответствующих союзов реализована функция сопоставления: «Разве и в самом деле министр юстиции должен состоять только **эзекутором при судебных учреждениях**, а не **деятельным блюстителем правосудия?**» [16]. Она позволяет Каткову продемонстрировать его взгляды на реформу судебной системы и те возможности, которые могут быть следствием грамотного управления. Рассмотренные выше метафоры также могут становиться основой стилистического приема антитезы, помогая реализовать оценочную функцию: «Крым, этот **цветущий сад России**,

¹ настойчивый призыв (лат.).

² страшно сказать (лат.).

где в некоторых местах земля продается ныне дороже, чем в столичном городе Москве, сто лет тому назад был **громадною тюрьмой**, которая похищала муштин и женицин всей восточной Европы, **притоном** нескольких десятков тысяч разбойников, которые делали невозможным какое бы то ни было развитие на 500 и более верст от черноморского берега» [18]. Здесь положительно оценочная прагмема «цветущий сад», противопоставленная отрицательно оценочным прагмемам «тюрьма» и «притон», позволяет Каткову наглядно, через всем понятные образы продемонстрировать положительные изменения, произошедшие в Крыму после вхождения его в состав Российской империи. Причем явно перевешивающая по объему отрицательно оценочная сторона лишь усиливает позиции положительно оценочной, в том числе и за счет того, что структурно положительная оценка стоит в начале рассуждения. Это демонстрирует особенности языковой личности, которые, выходя за рамки тезауруса, проявляют себя на уровне прагматикона.

Вообще прагматикон языкового индивида отвечает «за понимание позиции, места человека (говорящего) в мире», определяется «мотивами, интересами, оценками и поведенческими установками личности» [21. С. 155]. Как мотивационный уровень он отражает мотивы и цели языковой личности. Это высший уровень ее существования, который конструируется средствами лексикона и тезауруса и реализуется на уровне всего корпуса текстов данной языковой личности. Прагматикон как «прагматико-экстралингвистический уровень предполагает владение культурной базой, обеспечивающей реализацию коммуникативных потребностей личности» [22. С. 29]. Поэтому традиционно в качестве единиц прагматического конструкта выделяют прецедентные тексты и имена. Объем таких в языковой личности Каткова невелик, что, вероятно, объясняется в целом невысокой степенью прецедентности текстов русской литературы и публицистики XIX в. Тем не менее Катков может позволить себе блеснуть цитатой из Экклезиаста: «*Ничто не ново под луной*» [17], предварив ею статью, в которой рассуждает об очередном «дипломатическом походе» Европы на Россию. Прецедентный текст в данном случае не только демонстрирует уровень образования Каткова, но своим происхождением вводит и усиливает мысль о том, что подобное случается далеко не в первый и не в последний раз.

Национально-культурная специфика языковой личности Каткова проявляется в употреблении имен русских исторических деятелей и деятелей культуры: «*Богдан Хмельницкий, Екатерина, Пушкин – знаменательные имена, обозначающие лестницу восхождения России от безвест-*

ного, полуазиатского государства на степень великой европейской державы и цивилизованной нации!» [18]; прецедентных имен героев произведений русской литературы: «...и снова начинают выходить на свет **Кукинины, Базаровы, Аркадии Кирсановы**» [20]; «Но почему нашим доктринерам кажется, что управление, происходящее из выборов, есть дело очень либеральное, “субдительное сюперфлю”, как говорил гоголевский **Ноздрев**, желая сказать что-то очень хорошее?» [16].

По меткому замечанию Н.А. Бердяева, «человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин» [23. С. 85]. И Катков, описывая вклад Пушкина в становление русского литературного языка, использует прецедентные тексты глубоко национального фольклорного происхождения: «*Литературный язык совершает долгий путь образования. Когда пришел Пушкин, литературный язык был готов, но он был **спрыснут только “мертвю водою”**. Поэзия Пушкина была ему **“живою водою”**» [14], – именно эти цитаты из русских сказок позволяют публицисту образно и экспрессивно продемонстрировать читателю, чем был русский язык до Пушкина, вдохнувшего в него жизнь и вознесшего наш язык на совершенно новый высочайший уровень точности, красоты и выразительности.*

Однако прагматикон реализуется разнообразными средствами, в том числе и с помощью ресурсов грамматического уровня лексикона, что проявляется в структуре текстов Каткова весьма разнообразно. Возможно, его филологическое образование, редакторская деятельность заставили его взглянуть на эти, казалось бы, сухие средства под другими углом и уловить тот потенциал грамматики, который будет по-настоящему раскрыт и использован гораздо позже уже в современных нам медиатекстах. В следующем примере Катков использует прием нанизывания отрицательных и определительных местоимений, чередование утвердительных и отрицательных предикативных частей в структуре синтаксической антитезы: «*В нем **все** пополняется одно другим и **нет ничего**, что искупалось бы каким-либо печальным недостатком; в нем **все** поднимает ваше чувство и **ничто** не роняет его; как бы вы ни подошли к нему и чего бы вы ни затребовали, **езде** и **во всем**, много ли, мало ли он даст вам, но **нигде** он у вас **ничего** не отнимет, **нигде** и **ни в чем** не оскорбит вас» [24], – такого рода приемы на уровне восприятия обладают высокой степенью убеждения, чем и пользуется публицист, демонстрируя свои крайние консервативные взгляды и абсолютную категоричность, но не давая под натиском грамматической конструкции опомниться и заставляя капитулировать свою аудиторию. Следующий пример демонстрирует то,*

как филигранно Катков применял возможности русской грамматики: «А между тем пред современным русским обществом находится еще несколько старых счетов, которые оно **обязано и обязалось** уплатить» [18], – взаимодействие форм страдательного и средневозвратного залогов, подчеркнутое лексическим повтором, репрезентирует тонкие различия между паронимами *обязанность* (т.е. долг) и *обязательство* (т.е. обещание, договор). Первое – безусловно, второе есть результат добровольного согласия, и, по мысли публициста, в сознательном гражданском обществе должно присутствовать и реализовываться и первое и второе. Столь тонкий подтекст, безусловно, под силу сформировать только языковой личности истинного мыслителя, философа и знатока родного языка.

В отличие от тезауруса, прагматический уровень репрезентирует не просто языковую картину мира, а отражает индивидуальное аксиологическое мировоззрение. «Для Каткова было характерно идеалистически-романтическое восприятие действительности (наличие чёткого идеала должного) в сочетании с рационализмом и практичностью (жить и действовать нужно в настоящий момент)» [25. С. 34]. Возможно именно поэтому в структуре прагматикона его языковой личности эксплицитная оценка превалирует над имплицитной. Присутствие положительной и отрицательной оценки в его публикациях демонстрирует интенцию объективного миропредставления, однако преобладание критических целей и задач перетягивает чашу весов в сторону стратегии критики и неодобрения.

Мелиоративная лексика в публикациях Каткова представлена преимущественно словами-функциями и словами-прагмемами: *плодотворная сила патриотизма; все, что только есть лучшего, умного и дельного в Европе; великое, беспрецедентное народное движение; смиренное духом, простое и некичливое в своем величии*. Давая положительную оценку событию или герою, публицист, как правило, выбирает всем понятные, давно принятые в обществе как часть стереотипной аксиологической картины мира качества и характеристики: «Сегодня ровно сто лет минуло со дня рождения Карамзина. **Доброе, честное, славное имя, столько же честное, сколько и славное!**» [24], – часто положительно оценочное высказывание усиливается за счет дополнительных средств и приемов, в данном примере это градация и сопоставление.

Пейоративная лексика богаче по своей палитре. Здесь присутствуют не только функции и прагмемы, но и слова-коннотации: *французские газеты еще зарабатывают полученную ими мзду; вяло повторяют избитые фразы; история не представляет примера более возмутительного положения дел; недавний позор России; Никто более его не был чужд*

того **поверхностного** и **пошлого** либерализма, который служит верным признаком **умственной незрелости** людей и **политической незрелости** обществ; наши **умники**; **хлыщи** либерализма; **петербургский мундирный** либерализм; признак **зловредного** парламентаризма; прося принять меры к прекращению беспорядков, чинимых **шайкою негодяев**, **позорящих** университет и звание студента; Пора же кончить эту **гнусную** эксплуатацию учащейся молодежи; **вся та революционная гниль** и т.п.

При реализации отрицательной оценочной интенции Катков изредка позволяет себе употребление лексики сниженной стилистической окраски и даже инвектив: «**Бараны петербургской печати, вчерашние патриоты**, сослужили хорошую службу России в эти трудные для нее минуты...» [26]. Но чаще он все-таки применяет в отношении сниженной лексики отстранение – включает такие элементы в кавычки и/или использует извинительные комментарии: «... и эту непонятную терроризацию, посредством которой всякий мальчишка, наконец, всякий негодяй, всякий **“жулик”** (*sit venia verbo*¹) мог приводить в смущение самые бесспорные права, самые положительные интересы, наконец, логику здравого смысла» [17].

Случаи усложнения оценочных интенций через употребление средств имплицитного характера также имеют место в структуре прагматикона Каткова, они не столь частотны, но не менее разнообразны: «**Ни один из серьезных политических людей в Европе не назовет теперь этого мятежа народным восстанием**, из которого может выйти что-нибудь положительное» [17]. В данном примере синонимы **мятеж** и **восстание** выступают в функции антонимов как структурные элементы антитезы за счет присутствия в семантической структуре лексемы **мятеж** коннотативной семы отрицательной оценки. В нашей языковой картине мира прочно закрепилось представление о том, что восстание может быть борьбой за убеждения, за улучшение жизни людей, в то время как **мятеж** воспринимается как борьба за личные выгоды и привилегии. Тонкое языковое чутье позволило Каткову продемонстрировать в приведенном примере эту разницу, сделав ее ярким средством выражения своего негативного отношения к событию.

Ироническая оценка может быть выражена через прием антифразиса: «**Но вот в Брюсселе является большая книга, плод долгого и усидчивого труда, сочиненная остроумным автором многих книжек, скрывающим себя под курьезным псевдонимом Скедо-Феротти (как следует произносить, судя по итальянской структуре этого имени), или Шедо-Ферротти**

¹ да будет позволено сказать так (лат.).

(если следовать немецкому выговору, которому следует и сам автор» [20]; антифрастическое значение и отрицательная трансформация прилагательных *долгий*(=*недолгий*), *усидчивый*(=*неусидчивый*) и *остроумный*(=*неостроумный*) реализованы за счет окружающего шуточного контекста (Катков уделяет много внимания абсолютно неважным деталям написания и произношения имени оппонента), также понять и оценить прием помогает знание самой ситуации, о которой идет речь.

В следующем примере оценочная функция высказывания реализована не только за счет наличия сем положительной и отрицательной оценки в семантической структуре антонимов *честность/подлость* и *клеймить/величать*, но и благодаря специфической синтаксической конструкции, в которой переплелись лексический повтор, хиазм, сложность цепочки противительных и соединительных синтаксических отношений: *«Разве не давлением действуют агитаторы на нетвердые и робкие умы, извращая нравственные оценки и клеймя честность подлостью, а подлость величая честностью и преступные действия вменяя в заслугу?»* [15]. Данный пример демонстрирует огромную роль, которую в структуре прагматикона, да и в целом в структуре языковой личности Каткова играют синтаксические ресурсы русского языка.

Катков прекрасно понимал силу формы выражения в публицистике, ее потенциал. И хотя предпочитал демонстрировать свое мнение и оценку открыто, не брезговал богатством и выразительностью русского синтаксиса. В его статьях очень часто употребляется фигура градации: *«Люди самые серьезные, глубокие политики, правители государств, считали возможным обмануть нас комедией торжественных заявлений целой Европы и угрозами самой несбыточной европейской войны»* [20]; *«Ему [Пушкину – п.а.] не доводилось спасать Отечество от врагов, но ему было дано украсить, возвысить и прославить свою народность»* [14]. Причем встречаются примеры, в которых на протяжении одного высказывания градация может быть применена несколько раз, а эмоциональное напряжение фразы усилено инверсией: *«С некоторых пор развилась у нас страсть, беспримерная и в наших собственных летописях, и в летописях целого мира, – страсть бранить, порицать и отрицать в себе все, предавать в себе все поруганию и осмеянию, все в себе терзать и уничтожать»* [27].

Парадоксальным образом средства синтаксиса становятся для Каткова и средством выражения эмоций, экспрессивно окрашивая его публикации, и одновременно средством, позволяющим реализовать в его текстах абсолютное царство логического рассуждения. Примером первой функции может служить активное использование анафоры: *«Только одно чувство унес он в могилу неудовлетворенным, только одна его заслуга не*

только не была оценена, но и не могла быть понята в его время, **только одна** идея, которую он глубоко питал в своем русском сердце и которая так могущественно властвовала над его русским умом, осталась без исполнения и была для него **только** источником благородных гражданских страданий» [24].

Часто мы можем встретить сочетание анафоры и вопросительных конструкций. Причем в зависимости от целей, которые преследует Катков, это будут либо серии (короткие или длинные, порой очень длинные) риторических вопросов, вопросительно-утвердительных или вопросительно-отрицательных структур: «**Неужели** все эти перемены, совершившиеся за последние сто лет в восточной Европе, не увеличили суммы всемирного блага, и **неужели** мы не имеем права гордиться ими как делом в значительной мере наших рук? **Неужели** европеец, безопасно плывущий по Черному морю, станет отрицать, что оно открыто для цивилизованного мира лишь со времени Екатерины? **Неужели** он не поймет, что этих флотов, нагруженных столькими ценностями, которые в продолжение целого лета стоят и движутся ввиду Одессы, Таганрога, Бердянска, Мариуполя и Ейска, не было бы, если бы Крым и Новороссия были и теперь, чем они были сто лет тому назад?» [24]; либо собственно вопросительные конструкции, в которых Катков затем дает четкие аргументированные ответы: «**Итак!** Где же зло? Был мятеж, и мятеж подавлен: неужели это зло? Была фантазмагория революции, были призрачными опасения войны, этого нет в настоящее время: неужели это зло? Россия казалась при последнем издыхании, теперь она является сильной: неужели это вред? Где же пагубные перемены, происшедшие в положении нашего Отечества за тот краткий промежуток времени, который так заботит брюссельского публициста? Перемен к худшему мы не видим; видим только перемены к лучшему» [20].

Серии вопросов, которые, по сути, являются утверждениями, начиная с очевидного, усыпляют бдительность аудитории, подводя ее незаметно для нее самой к абсолютному капитулирующему согласию с мнением и оценкой Каткова. Вопросно-ответная форма же преследует несколько иные цели – предложить читателю рассуждать вместе, вести его за собой, демонстрируя открытость мысли и доказательность утверждений, в отличие от первых рассмотренных выше случаев, где аргументировать ничего не требуется. Логизированный синтаксис, чередование фактов и противопоставленных им риторических, вопросительно-отрицательных конструкций во втором примере убеждает читателя в правоте оратора.

Рассуждение, убеждение, аргументация, логизированный синтаксис крайне характерны для языковой личности Каткова, вследствие чего его

тексты изобилуют сложными синтаксическими конструкциями, в них часто встречается сложная разветвленная сеть разноподчиненных придаточных, выражающих разнообразные синтаксические отношения: уступительные, изъяснительные, атрибутивные, целевые. Так, в следующем примере Катков употребляет номинативное односоставное сложное предложение с нанизыванием однородных предикативных частей и, называя события, превращает их в сознании читателя в неопровержимые факты: *«Что же мы видим в начале прошлого года? Мятеж, кровопролитие, тайные политические убийства, казни, бесславие и позор, уничтожение, какого Россия не запомнит; русское имя, преданное всеобщему поруганию; вопрос, поднятый о самом существовании русского государства и русского народа; удушливая атмосфера будто перед грозой; самое несбыточное, казавшееся возможным, самое очевидное, казавшееся действительным»* [20].

Проведенный анализ публикаций Каткова позволяет сделать вывод, что его языковая личность есть отражение и преломление всех свойств и талантов его человеческой личности: мировоззрения, научного и логического мышления, высокого уровня интеллекта, морально-этических представлений, политических взглядов, национально-культурного багажа. Языковая личность Каткова отличается разнообразием языковых репрезентаций и многогранностью возможностей в выражении смыслов, что позволяло публицисту полностью реализовывать поставленные цели в своих публицистических текстах. Французский историк А. Леруа-Болье уже после смерти Каткова писал, что он «не принадлежал ни к какой партии и ни к какой школе: для этого он был слишком своеобразен, слишком независим, слишком исключителен. <...> Он был скорее трибуном, могучий голос которого вдохновлялся национальными чувствами, а не политическими формулами или отвлеченными теориями» [28. С. 201]. Все эти черты нашли свое отражение и в его языковой личности, которую публицист столь осознанно и целенаправленно создавал.

Список источников

1. Головин К.Ф. Мои Воспоминания. Т. 2. СПб., 1910. 274 с.
2. Любимов Н.А. Письмо М.Н. Каткову. 24 марта 1884 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 6. Ед. хр. 31.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 397 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : РКИ, УРСС Эдиториэл, 2010. 264 с.
5. Белинский В.Г. Письмо Н.В. Станкевичу от 29 сентября – 8 октября 1839 г. // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 11. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 718 с.

6. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину от 1 марта 1841 г. // Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1956. 596 с.
7. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину от 11 декабря 1840 г. // Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1953. 718 с.
8. Первалова Е.В. «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова (1863–1887). М. : Изд-во Мосполитеха, 2020. 407 с.
9. Из воспоминаний А.И. Георгиевского // Литературное наследство. Т. 97, кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 1989. 711 с.
10. Любимов Н.А. Письмо М.Н. Каткову. 30 октября 1884 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 6. Ед. хр. 31.
11. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 7.10.1884. № 278.
12. Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 6 июня 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 31.
13. Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 18 января 1884 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 31.
14. Из «Русского вестника» 1856 года // Особое прибавление к № 155 «Московских ведомостей». 6.06.1880.
15. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 10.10.1884. № 281.
16. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 20.10.1884. № 291.
17. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 1.12.1879. № 306.
18. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 4.08.1871. № 168.
19. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 6.02.1883. № 37.
20. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 5.09.1864. № 195.
21. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
22. Иванова С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности. Уфа : РИО БашГУ, 2004. 132 с.
23. Бердяев Н.А. Судьба России. Самосознание. Ростов н/Д : Феникс, 1997. 541 с.
24. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 2.12.1866. № 254.
25. Попов Э.А., Велигонова И.В. М.Н. Катков: социальный портрет в контексте меняющейся эпохи (к постановке проблемы) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4. С. 31–36.
26. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 12.04.1878. № 95.
27. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 4.10.1863. № 214.
28. Леруа-Болье А. «Journal des Débats». Отзывы французской, бельгийской и итальянской печати. Памяти М.Н. Каткова // Русский вестник. 1887. Кн. 7. С. 200–203.

References

1. Golovin, K.F. (1910) *Moi vospominaniya* [My Memories]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].
2. Lyubimov, N.A. (1884) *Pis'mo M.N. Katkovu. 24 marta 1884 g.* [Letter to M.N. Katkov. March 24, 1884]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. Box 6. Files 31.
3. Humboldt, W. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Translated from German. Moscow: Progress.
4. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow: RKI, URSS Editorial.
5. Belinskiy, V.G. (1956a) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Moscow: USSR AS.
6. Belinskiy, V.G. (1956b) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 12. Moscow: USSR AS.
7. Belinskiy, V.G. (1953) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Moscow: [s.n.].
8. Perevalova, E.V. (2020) "Russkaya Times": gazeta "Moskovskie vedomosti" pod redaktsiei M.N. Katkova (1863–1887) ["Russian Times": The newspaper "Moskovskie Vedomosti" edited by M.N. Katkov (1863–1887)]. Moscow: Mospolitekh.
9. Georgievskiy, A.I. (1989) Iz vospominaniy A.I. Georgievskogo [From the memoirs of A.I. Georgievsky]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 97(2). Moscow: IWL RAS.
10. Lyubimov, N.A. (1884) *Pis'mo M.N. Katkovu. 30 oktyabrya 1884 g.* [Letter to M.N. Katkov. October 30, 1884]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. Box 6. Files 31.
11. [Katkov, M.N.]. (1884) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 7th October.
12. Markevich, B.M. (1882) *Pis'mo M.N. Katkovu. 6 iyunya 1882 g.* [Letter to M.N. Katkov. June 6, 1882]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. Box 31.
13. Markevich, B.M. (1884) *Pis'mo M.N. Katkovu. 18 yanvarya 1884 g.* [Letter to M.N. Katkov. January 18, 1884]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. Box 31.
14. Anon. (1880) Iz "Russkogo vestnika" 1856 goda [From the "Russkiy vestnik" of 1856]. *Special addition to № 155 of "Moskovskie vedomosti"*. 6th June.
15. [Katkov, M.N.] (1884a) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 10th October.
16. [Katkov, M.N.] (1884b) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 20th October.
17. [Katkov, M.N.] (1879) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 1st December.
18. [Katkov, M.N.] (1871) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 4th August.
19. [Katkov, M.N.] (1883) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 6th February.

20. [Katkov, M.N.] (1864) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 5th September.

21. Karaulov, Yu.N. (1999) *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active grammar and associative-verbal network]. Moscow: IRL RAS.

22. Ivanova, S.V. (2004) *Lingvokul'turologicheskiy analiz pragmatikona yazykovoy lichnosti* [Lingvocultural analysis of the pragmatics of linguistic personality]. Ufa: BashSU.

23. Berdyayev, N.A. (1997) *Sud'ba Rossii. Samosoznanie* [The Fate of Russia. Self-Awareness]. Rostov on the Don: Feniks.

24. [Katkov, M.N.] (1866) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 2nd December.

25. Popov, E.A. & Veligonova, I.V. (2012) M.N. Katkov: sotsial'nyy portret v kontekste menyayushchey epokhi (k postanovke problemy) [M.N. Katkov: Social Portrait in the Context of a Changing Era (towards the Formulation of the Problem)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 31–36.

26. [Katkov, M.N.] (1878) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 12th April

27. [Katkov, M.N.] (1863) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 4th October

28. Leroy-Beaulieu, A. (1887) "Journal des Débats". Otzyvy frantsuzskoy, bel'giyskoy i ital'yanskoy pechati. Pamyati M.N. Katkova ["Journal des Débats". Reviews of the French, Belgian and Italian press. In memory of M.N. Katkov]. *Russkiy vestnik*. 7. pp. 200–203.

Информация об авторах:

Первалова Е.В. – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций им. М.Ф. Ненасева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Петрушина М.В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Института современного искусства (Москва, Россия). E-mail: mpetrushina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Perevalova, Cand. Sci. (Philology), docent, head of the Department of Journalism and Mass Communications named after M.F. Nenashev, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

M.V. Petrushina, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, Institute of Contemporary Art (Moscow, Russian Federation). E-mail: mpetrushina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.04.2023;
одобрена после рецензирования 02.09.2023; принята к публикации 31.10.2024*

*The article was submitted 21.04.2023;
approved after reviewing 02.09.2023; accepted for publication 31.10.2024*